

Музыкант мира, играющий до пандемии около ста концертов в год в разных частях света, Николай Луганский не раз говорил о своем желании больше бывать в российских городах. Из-за локдауна пианист в этом сезоне всего три раза выехал за рубеж и теперь чаще выступает в России.

В феврале Николай Луганский сыграл вместе с Воронежским академическим симфоническим оркестром под управлением Владимира Вербицкого фортепианный Концерт Шопена ми минор и на бис — Фантазию-экспромт до-диез минор. Незнакомо, небанально, несуетно, словно заново открывая настоящую красоту и силу музыки Шопена. До этого Воронеж в гастрольной карте пианиста появлялся только дважды: Луганский выступал здесь в самом начале 90-х, еще в студенчестве, и затем в 2015-м, в качестве одной из главных персон музыкальной программы Платоновского фестиваля искусств и уже в звании народного артиста России.

Между репетицией и выступлением Николай Луганский рассказал о том, стоит ли прислушиваться к чужим советам и в чем, на его взгляд, выражается ощущение родины.

У вас очень старые ноты концерта Шопена...

Очень старые.

Они еще со времен учебы?

Нет. Одна замечательная пожилая женщина, скорее всего, она в детстве училась музыке, решила перед смертью завещать эти ноты мне. Какие-то я раздал, так как, подозреваю, что есть масса людей, более нуждающихся в нотах, а вот этот концерт остался. У меня два издания. Это — довольно странное по редактированию, оно вышло задолго до моего рождения. У меня есть еще издание Падеревского. Мне было шесть или семь лет, и родители на день рождения купили, наверное, все, что было в магазине: половину или две трети полного собрания сочинений Шопена под редакцией Падеревского. Я не настолько трепетно отношусь к вещам, но помню вот это сильное ощущение счастья, что эти ноты можно открывать... То есть, в основном, я учил по Падеревскому — такой толстый том двух концертов. А это издание Фридмана, в очень личной, говорящей больше о нем, нежели о Шопене, редакции, но очень любопытной.

В детстве вы чаще любите читать ноты, чем книги. Эта привычка сохранилась до сих пор?

Учитывая, сколько мне приходится играть концертов, разучивать новых произведений, — да. Но в поездках и самолетах, конечно, я чаще все-таки читаю книги, чем ноты. Хотя и ноты тоже.

А что читали на пути в Воронеж?

Не могу вспомнить, кто мне подарил эту книжку. Видимо, у меня такой вид, что люди, глядя на меня, хотят подарить мне книгу. И кто-то мне подарил «Афоризмы о любви». Там много интересных афоризмов очень разного содержания. Я часто читаю очень хорошие книги: Чехова, Заболоцкого, Пастернака... Но в этом полете читал афоризмы о любви. Мне запомнился афоризм одного американца: «Любовь основана на заблуждении, что женщины между собой различаются».

Если позволите, еще вопрос, который не касается игры на рояле. Но тоже об игре. Ваш друг Вадим Руденко сказал, что играть с вами в шахматы — бесперспективное занятие, это все равно, что выставить против шестилетнего ребенка Майка Тайсона. Вы всегда выигрываете?

Это как в любой игре. Кто-то играет сильнее, кто-то слабее. Я знаю нескольких музыкантов, которые в шахматах сильнее меня. Это одна из игр, все любят играть в игры. Особенно мужчины.

У вас сохранилась традиция — перед новым годом играть в шахматы?

Она немножечко заглохла. Все-таки подобные традиции держатся на одном-двух людях. Самый сильный шахматист из музыкантов, по-моему, сейчас уехал из страны. Есть два-три музыканта из Московской консерватории, которые

играют сильнее меня. В последнее время я стал играть в бадминтон, результатом этого был разрыв сухожилия правой руки. Месяц я отдыхал.

Опасная игра?

Нет, игра совершенно не опасная. Опасно без настоящей школы играть в полную силу.

Профессия концертирующего музыканта тоже связана с риском. Многие артисты признаются, что каждый выход на сцену для них — это преодоление себя. А в жизни вам приходится рисковать?

Я знаю пятьдесят артистов разных специальностей. Из них, может быть, только пять-шесть не боятся выходить на сцену. А остальные очень боятся. В жизни, конечно, самые разные бывали ситуации, как у любого человека. Один раз я мог утонуть, и меня спасли с помощью вертолета, потому что иначе нельзя было из-за отлива и шторма. Машину вожу. В 39 лет впервые без инструктора спустился на горных лыжах по красной трассе, было страшновато, но ничего не сломал. Ну, я все-таки катался и на коньках, и на беговых лыжах. Проблема в том, что я никогда не любил брать какие-то уроки. Во все игры играл самоучкой. Иногда даже удается обыгрывать людей, которые умеют и учились играть по-настоящему. Но вот сейчас в результате игры в бадминтон был месячный перерыв в игре на рояле.

Знаете, до этого случая на испанском побережье, когда за вами выслали сначала шлюпку, потом вертолет, у меня был один образ: Николай Луганский — замечательный музыкант. А после я бы сказала так: Николай Луганский — человек, который может все. В вашем сознании после этого что-то изменилось?

Да ничего, наверное, не изменилось. Я думаю, что любой человек когда-то, скажем, мог попасть под машину, на полсекунды раньше успел перебежать или успел выскочить. Первое время, может быть, что-то философское и приходит в голову, а потом все равно человек живет так, как он живет. Я думаю, что должны произойти более серьезные вещи, чтобы человек действительно поменялся. Долгое нахождение в пыточной камере — не десятиминутное, а несколько дней — может изменить. Или если люди долго были заложниками. Нет, если я сорок пять минут провел в холодной воде и пятьдесят на пятьдесят: выжил — не выжил, — ну, конечно, страшно. Но чтобы я из-за этого поменялся... Не думаю. А образ другого человека... Все, что человек думает, представляет или у него есть мнение, — все это говорит только о нем самом. А о том, о ком он думает, это не говорит ничего.

Вы как-то сказали: «Способности даются просто так». У вас очень чуткие родители, которые вовремя эти способности увидели и развили. Вы своих детей таким образом поддерживаете?

Нет. Конечно, если бы кто-то занялся музыкой, я мог бы их поддержать и советом, и распорядком жизни. У меня в семье все — предки, ровесники, потомки — каждый занимается своим делом. И я просто не представляю себе, чтобы у кого-то из моих родственников были два похожих занятия.

А о помощи вас просят? К вам, наверное, вряд ли подходят на улице, но, например, просят послушать какого-нибудь ребенка?

Я с некоторым недоумением отношусь к этим просьбам, но иногда, мне кажется, что в том, чтобы сыграть известному музыканту или сыграть соседу Васе, почти нет разницы. Когда мне было 24 года, и я впервые поехал на гастроли с РНО, я просил Михаила Васильевича Плетнева послушать меня. И он при его занятости и иногда ироническом ко всему отношению, тем не менее, меня слушал. Его советы я прекрасно помню, они были очень важны. У меня сложное к этому отношение. Я полагаю, что в современном мире, особенно, может быть, в России, люди иногда переоценивают роль мнений, советов. Особенно так называемых важных людей. Последние 40-50 лет каждый молодой пианист в биографии пишет гигантский список известных музыкантов, к которым он подошел на мастер-классе и взял два-три урока. Это на самом деле ничего, кроме иронического отношения, не вызывает. Вот Денису Мацуеву давали советы все кому не лень, маститые и умные, и пожилые, и не очень пожилые люди, и он к этому с самых ранних лет относился невероятно индифферентно. У меня такое отношение если и стало вырабатываться, то очень поздно. Я в детстве был очень подвержен влияниям и советам. Мне казалось, что если кто-то с важным видом высказывает какое-то мнение, то это невероятно ценно. Может быть, только последние лет пятнадцать-восемнадцать я стал чуть более критически относиться именно к мнению со стороны.

Поэтому вы отказываетесь сидеть в жюри конкурсов?

Мне очень неприятна обязанность принять решение и выставить отметку. Ставить баллы — это вообще абсурд. В общем-то, почти всегда есть ощущение «да» или «нет». Но, одно дело, «да» или «нет», когда вы просто слышите музыку, а здесь играют живые люди. Некоторых из них вы знаете лично. Таким образом, вы, в общем-то, влияете на их судьбу: вот это тяжелая ситуация. Это непопулярное мнение, но, мне кажется, что в жюри должны сидеть люди старше пятидесяти, однозначно. Когда тридцатилетний оценивает двадцатипятилетнего...

Они конкуренты?

Плохое слово. Должна быть разница. Почитайте композиторов, хотя композиторы — особая статья. Если композитор пишет об авторе, который жил сто лет назад, — ну просто благодать. Изредка старый человек может хорошо отозваться о юноше. Почитайте, что пишут композиторы о своих одногодках. Очень забавно. За исключением, наверное, одного человека — Франца Листа. Поэтому жюри — это очень тяжело, я не уверен, что и в шестьдесят лет захочу куда-то сесть.

У вас сейчас есть ученики?

Моих личных учеников нет. Я работаю в консерватории с 1995 года ассистентом. До 2020 года работал в качестве ассистента Сергея Леонидовича Доренского, год назад его не стало, и сейчас я такой же ассистент на кафедре у Андрея Александровича Писарева. То есть я прихожу послушать, но сказать, что у меня есть ученики, не могу. Это очень большая ответственность, пока я все-таки довольно много играю.

Сейчас больше играете в России?

Да. Я с большим удовольствием играю в России. Весной 2020-го просто покатался за рулем машины, посмотрел некоторые замечательные места: Переславль-Залесский, Ярославль, Ростов. Был три раза в Европе. Последний раз в Мадриде. Это одна из двух с половиной стран, где что-то происходит сейчас. Чем дальше, тем меньше я могу понять, в чем суть этих тотальных закрытий. Но в Испании проводится все, почти как в России. Рассадка зрителей 50%, естественно, все делают больше, маски на улице и комендантский час с десяти вечера, за нарушение могут серьезно оштрафовать. Но в десять вечера — куда ни шло. А вот комендантский час с шести вечера во Франции — это уже выше человеческого разума.

Вы могли бы жить где-то, кроме России, если бы сложилась такая ситуация, скажем, как у Рахманинова?

У вас уже такой пафос в вопросе... Человек выживает в лагерях. В горах находят людей выживших.

Не выжить. Просто жить. Играть. Любить Россию, но в другой стране. Как многие делают.

Для Рахманинова это было трагическое решение. Я думаю, он понял, что происходит в России, задолго до Октябрьской революции, когда вся страна была в восторге. Не нужно придумывать, что его кто-то выгнал из страны — я пару раз от уважаемых людей слышал такую белиберду. Его никто, естественно, не выгонял. Просто это было его решение — абсолютно понятное решение взрослого, умного человека. Конечно, ему было очень тяжело и больно, но... В наше время человек может делать практически все, что он хочет, жить, где он хочет. Не только политический, но и общий уровень жизни таков, что человек может позволить себе очень многое. Если, например, человек среднего достатка возмечтает жить, скажем, в Латвии, никаких проблем у него с этим не будет. Ну, я не беру пандемию, сейчас это сложнее. Раньше можно было сказать, что материальные условия там лучше. Сейчас мне даже трудно об этом говорить, потому что, если быть объективным, то государство часто — очень нехорошее слово, — но оно сейчас заискивает перед людьми искусства. В общем, денег на искусство тратится много. Я очень рад, что в период, когда все было закрыто, многие оркестры получали зарплату, это замечательно. Но сегодня соотношение очень хороших

музыкантов и слушателей, которые все бросят и пойдут их слушать, во всех странах разное. И в России очень давно количество прекрасных музыкантов по отношению к слушателям выше, чем во многих странах. То есть, грубо говоря, конкуренция выше. Поэтому многие уезжают. С другой стороны, есть обратный процесс: Вадим Репин теперь живет в России, Борис Березовский опять живет в России, так что... Мне вообще кажется, что это странная постановка вопроса. Здесь есть близкие, родные, друзья. Грубо говоря, если ты строил дом, естественно в нем жить самому.

А в наше время есть смысл говорить об ощущении родины?

У каждого человека оно свое. Даже если взять Стравинского и Рахманинова — насколько у них разное ощущение родины. Стравинский был в реальности гражданином мира, ему каждая национальная культура была в равной степени интересна. А у Рахманинова при том, что он был феноменально образованный человек, конечно, было родное и было чужое. Он много хорошего об Америке, например, говорил. Но у него было понятие родного и, конечно, родное для него — это была Россия. Смешно сравнивать, у меня, конечно, тоже есть понятие родного и чужого. Родное может быть ужасным, а чужое может быть прекрасным. Но чужое все равно не перестает быть чужим, а родное не перестает быть родным. Другое дело, что у нас такая традиция, привычка, как бы... стесняться самих себя. Можно развивать сколько угодно эту мысль. У великого ученого Петра Леонидовича Капицы есть письма Сталину, написанные, практически, в назидательной форме, где он поучает главу государства, и Сталин это терпел. Сам Капица, абсолютнейший англоман, который больше десяти лет провел в Кембридже и потом, с 30-х годов, вынужденно жил в СССР, откровенно размышлял об этой традиции — считать, что все великое создается, чаще всего, в Европе, а мы можем в лучшем случае копировать. С другой стороны, это так вошло в нашу привычку, что непонятно, можно ли с этим бороться. Какая-то стеснительность... Я бы так сказал — эта стеснительность приводит иногда к обратной реакции, к смешным заявлениям типа: Россия — родина слонов. Надо пытаться найти даже не золотую середину, а просто естественное самоуважение.

Беседовала Елена Фомина, специально для журнала «Этажи»

Воронеж, февраль 2021

Фото Натальи Коньшиной